

«Только теперь я ясно поняла, что значит делать карьеру. Стоят рядом десять пианисток – все одинаково талантливо, все одинаково прилежны. И падают одна за другой <...> В этой битве каждый сам за себя. У меня хотя бы семья есть. Я заснула со сладкими мыслями о том, что меня родители оберегают, а не выжимают досуха. Какое счастье!» [2, 279]. Таким образом, автор опять приводит читателей к мысли о том, что талант и успех возможен, только если есть поддержка семьи и родителей.

Клаудия Шрайбер ненавязчиво, но постепенно приводит юных читателей к мысли о том, что самое главное в жизни ребенка – семья. Именно она является поддержкой ребенка во всех сложных жизненных ситуациях, является гарантом эмоционального спокойствия и стабильности, только в условиях поддержки со стороны значимых взрослых может состояться гармоничное развитие личности ребенка, проявиться его талант.

Литература

1. Гранин Даниил. Священный дар. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://litmir.club/br/?b=192618> – Дата доступа : 21.03.2024.
2. Шрайбер, Клаудия. Соло для Клары; пер. с нем. Дарьи Андреевой / К. Шрайбер. – М.: КомпасГид, 2022. – 472 с.
3. Пушкин, А.С. Моцарт и Сальери / А.С. Пушкин. – М.: Да!Медиа, 2014. – 12 с.

Ya.S. Solovyova

State budgetary vocational educational institution “Regional Railway College”
e-mail: Oyana095@mail.ru

A family thought in Claudia Schreiber’s novel “Solo for Clara”

Key words: Family, creator, upbringing, gifted children, creativity.

Family is the basis for the harmonious development of a child’s personality and his creative abilities. It is the support of parents that supports the inner development of a child, as Claudia Schreiber shows by the example of the girl pianist Clara.

С.Э. Сомов

Белорусский государственный университет
e-mail: somov72@mail.ru

УДК 821.161.3(075.8)

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В ОРАТОРСКОЙ ПРОЗЕ ГЕОРГИЯ КОНИССКОГО КАК ОСНОВА ХУДОЖЕСТВЕННО-СТИЛЕВЫХ ОРИЕНТАЦИЙ АВТОРА

Ключевые слова: Георгий Конисский, пространство, время, ораторская проза, художественный стиль.

В статье рассматриваются особенности пространственно-временных отношений в художественном мире белорусского просветителя

Георгия Конисского. На материале его ораторской прозы – слов и речей – устанавливается связь между хронотопом и характером использования выразительных средств, позволяющих автору описать, в его представлении, высший мир (Царство Небесное, пристанище Бога и святых) и низший мир (земную юдоль страданий и грехов падшего человека).

Георгий Конисский, Могилевский и Белорусский архиепископ, прославленный Православной Церковью в лике святых, оставил после себя обширное и многожанровое наследие. Свои представления о мироустройстве он выразил в ряде философских сочинений, драматических произведениях, в лирике, а также в ораторской прозе, основную часть которой составляют «Слова» – храмовые проповеди (сохранилось более 70 произведений). Слова интересны тем, что в них проповедник непосредственно обращается к пастве и в доступном, художественно оформленном виде сообщает им важнейшие, с его точки зрения, представления о жизни, о ее устройстве, целях, задачах и тех путях, которые ведут к их достижению.

Например, среди слов Конисского выделяются шесть проповедей, сказанных им в праздник Рождества Христова. Они интересны тем, что в этих произведениях представлены наиболее широкие временные и пространственные отношения, поскольку история грехопадения прародителей, потери рая, длительного обетования спасения и, наконец, осуществление последнего, вписывается в контекст бытия невидимого и видимого мира, от его сотворения до финала в виде Второго пришествия в мир Мессии и окончательного Страшного суда для всех живших когда-либо и живущих на Земле.

Поскольку Конисский является глубоко верующим человеком, при том, святителем, т.е. подвижником истовой христианской веры, пространственная и временная картина мира в его представлениях достаточно традиционна. В проповедях Георгий неоднократно сообщает слушателям, что мир состоит из трех частей: священного неба, грешной земли и чудовищной преисподней – ада, геенны огненной. Определенная сложность понимания такого на первый взгляд несложного мироустройства состоит в том, что и небо, и земля, и преисподняя, понимаются и описываются автором как в духовно-символическом, так и в материально-пространственном выражении. Соответственно, каждый удел мироздания оказывается не столь простым для понимания слушателем или читателем слов.

Для земного человека небо – это, прежде всего нечто вещественное, то, что он наблюдает ежедневно, т.е. некая «твердь» с расположенными на ней от создания мира светилами: дневным (солнце) и ночными (луна и звезды). Но при этом данная пространственная ориентация «вверх» наполняется сугубо религиозной составляющей, и то, что над

головами воспринимается и описывается как совершенный духовный мир, вмещающий в себя Бога, ангелов и души праведников, мир предвечный и до конца непостижимый, трансцендентный: «...В каком начале бе Сие Слово, – говорит Георгий, – в начале вещей ли сотворенных, но Оное было еще прежде начала вещей сих: прежде де бо неже сотвори Бог землю, сказует Слово Сие, еже есть и Премудрость ипостасная Божия, прежде неже откры бездны, прежде неже водрузи горы и основания земли положи, уже Я помазана бех, сиречь, в царя всему созданию; когда простерл Он небо яко кожу, облаки дождевые завесил, а морю предел положил, уже были Я у Него, Создателя, сиречь, всех тварей, созида с Ним и воскормляя все создание» [1, с. 364. Далее по тексту цитаты в орфографии и пунктуации оригинала].

Описывая небо вещественное как порождение неба невещественного, Конисский уже сопрягает пространственные характеристики с временными, поскольку акт творения мира в религиозном понимании есть преломление вечности в осязаемое нами бытие, ограниченное своей матиральностью, которое в сравнении с источником своего существования уже лишено признаков совершенства и выступает как нечто вторичное, как низшее по отношению к высшему, несравнимо более совершенному: «Что есть беднейшее плоти? Она есть прах земли и тление, яко цвет является и исчезает, плоть, особливо человеческая, зачинается во утробе матерней, держится в ней, как в тюрьме, девятomesячно, исходит, одною пядью измеряемая, носится на руках матерних, ступить ногами своими не могщи, просит млека со слезами, прожить без того не в состоянии...» [1, с. 365].

В сознании автора и религиозно настроенной паствы устанавливается определенный временной вектор, направленный от начала существования земного мира к неопределенной в будущем дате – ко Второму Пришествию в мир Иисуса Христа и Страшному Суду, являющему собой устрашающее окончательное воздаяние за грех и за праведность всем от начала времен жившим на земле людям. Таким образом, временные рамки повествования, которые задаются Георгием Конисским в его художественном мире, имеют весьма широкие характеристики. Время реальное, в котором живет сам оратор и его слушатели, отмеченное конкретными маркерами в языке слова – «в прошедшую неделю», «ныне» и др., – связывается со временем духовно-мистическим, в котором ожидаются события вселенского потрясающего характера, имеющие важнейшее значение и для сегодняшнего сознания, для мышления и поведения конкретных людей. Эти ожидаемые события являются предметом их религиозной веры, вплетаются в структуру их религиозного знания.

Главным основанием для спасения души у христиан является Слово Божие, т.е. библейский священный текст, открывающий им замысел Бога

о человеке и тайны премудрости Божией, пути к очищению и Царствию Небесному. А поскольку речь идет уже о трансцендентном существовании человеческого духа за пределами видимого бытия, то время реальное и духовно-мистическое преломляется в «живот вечный», т.е. во время собственно мистическое, совершенно отличное от реального, утрачивающее основные его характеристики.

Приметами реальной жизни выступают преимущественно негативные события, грехи и многочисленные страдания людей. Время мистическое, вечность с Богом, обладает намного более позитивными приметами. Будущая «вечность» категорично противопоставляется настоящему как низкому и в значительной степени неприемлемому: «...Знаю бо, – говорит Георгий, – что всякому и нужен и вожделен живот блаженный и вечный. И временный сей живот, различных бедствий, трудов, беспокойств, печалей, немощей, гонения, глада и хлада, уз, темниц и ран преисполненный, так мил человеку, что мы смерти – хотя с нею оканчиваются и прекращаются все беды наши – больше всего боимся, отвращаемся и убегаем. А ежели тяжкий, болезненный, страдальческий живот любезен нам; то сколь несравненно должен быть любезен тот вечный живот, в нем же, по сказанию Тайновидца, несть ни плача, ни вопля, ни болезни, ни смерти (Апок. 21, 4)» [1, с. 59–60].

В образно-символическом отношении время мистическое представляется Георгию как «град живота вечного» или как «вечеря живота вечного», т.е. временные характеристики увязываются в его речи с пространственными, и качество вечного существования души с Богом выражается в образах пространственного и предметного содержания: «Веселят очи наши прекрасныя здания и палаты богато убранныя: кого же не может возвеселить град живота вечнаго, в Откровении Иоанновом описанный, новый святыи Иерусалим, имущий славу Божию» [1, с. 60]. Состояние высшего и вечного блаженства выражается в детализации описания Горнего Иерусалима, в котором стены украшены драгоценными камнями, едою является манна, а питьем – непостижимое «новое вино», и при этом бесконечно звучит «чудная мусикия горних обителей».

Характеризуя жизнь нынешнюю и жизнь возможную в будущем для верных сынов Бога, Георгий подчеркивает временность всех наслаждений и удовольствий реального мира в противовес бесконечному блаженству мира запредельного: «Впрочем, все вещи в житии настоящем, хотя бы были прекраснейшия для взора и сладчайшия для чувств наших, таковы уже по натуре своей, что сегодня или завтра они оставят нас, или мы с ними расстанемся. А напротив в животе вечном все вечно, и всегда вечным пребыть должно» [Там же]. Подлинность вечности подчеркивается Георгием с использованием в слове примет временной «текучести» реального бытия: «Пробежат веки целые, как години: но в вечной красоте селений

небесных не сделают никакой перемены. Пройдут миллионы тысячелетий: но избытию дома Божия ни малейшего не последует оскудения. Не возможет исчислить времени и самый Ангельский ум: но и тогда празднующих Святых не умолкнут веселие и лики. Такова-то вечность, таково блаженство живота вечного!» [1, с. 60–61].

Это совершенное во всех отношениях мистическое пространство-вечность, по глубокому убеждению проповедника, преломляется в «слове Божиим», раскрывается только в нем. Ключевую роль здесь играет обращенность земного человека к добру, к спасению, к Богу. Для христиан таким путем к добру выступает Спаситель-Христос. И поскольку сутью храмового слова выступает раскрытие догмата о Христе, главное внимание в проповедях Георгий всегда уделяет той роли, которую Спаситель играет в мировой истории. Образ Христа в словах Конисского является связующим звеном не только настоящего и будущего, вечного, но и всего временного (прошлого – настоящего – будущего), от сотворения мира до его конца и вечности, а также всего пространственного (подземного (имеется в виду ад, из которого Христос освободил грешников) – земного – небесного): «Его сошествие на землю возводит нас на небо; – возглашает Конисский, – Его святейшая кровь есть цена нашего спасения; Его крестная смерть – победа нашей смерти. Он и воскрес для того, да мы постигнем в блаженное воскресение...» [1, с. 61].

Характеризуя мировоззренческий выбор между добром и злом каждого человека, Конисский пользуется традиционным сравнением с движением человека в пространстве, а именно с необходимостью идти либо по одной, либо по другой дороге, но не одновременно по двум сразу: «Как путешественник, пришед на распутие, ежели оставит одну дорогу, то должен непременно идти по другой; так человекам предлежит, прешед поприще жития земнаго и вступив на дорогу вечности, ежели не с овцами стати, то с козлищами; ежели не на небо пойти, то прямо в геенну» [Там же]. Картина этой «поврежденной вечности», противопоставленной Царствию Небесному, рисуется Георгием с использованием традиционных предметно-символических библейских образов «вечного пламени», «горящего горни-ла», «восходящего дыма», «неусыпаемого червя», «скрежета зубовного», «тьмы вечной» и т.п.

Таким образом, в основе художественного хронотопа ораторской прозы Георгия Конисского лежит православное религиозное миропонимание, включающее в себя представления о небе, земле и преисподней в духовном и в материальном отношениях, которые иногда смешиваются вплоть до наивных описаний вулканов как дверей или окон kloкочущего под землей ада. В любом случае, антитеза неба и земли воспроизводит одну из универсальных мифологических оппозиций «верха и низа» и, соответственно, получает в произведениях Конисского адекватное художественное

оформление. Небо совершенно, свято и поэтому характеризуется исключительно положительными и возвышенными категориями, с использованием книжных библейских метафор, утонченной лексики, позитивной эпитетики и сравнений. Напротив, земля, и тем более ад, как пространство несовершенное и антиномичное совершенству, описываются чаще всего в негативном плане, с использованием не только отрицательных характеристик, но даже грубых, просторечных выражений и слов.

Описание художественного времени базируется также на религиозной «философии истории», суть которой заключается в движении от вечности ко временному бытию, финалом которого и, соответственно, вторым переходом, а по сути, возвращением, в вечность, должен стать Страшный Суд. Исходя из этого выстраиваются и эстетические ориентиры автора, в основе своей определяющие отбор художественных средств: вневременное бытие Бога описывается в исключительно позитивных красках, в восторженном стиле религиозно-молитвенного поклонения; время бытия видимого мира противоречиво, поскольку в нем доминирует зло (и отсюда целый ряд негативных характеристик), которое, однако, преодолевается промыслом Всевышнего о спасении мира, т.е. рядом обетований, примеров святости и подвижничества и, наконец, приходом в этот негативный мир совершенного человека и Бога – Христа. Представления же о конце имеющей быть «мировой трагедии» рисуются во впечатляющих антиномичных красках Страшного Суда, гибельного для грешников и спасительного для праведников.

Литература

1. Слова и речи Георгия Конисского, Архиепископа Могилевского. – Могилев-на-Днепре : Скоропечатня и литогр. Я.Н. Подземского, 1892 – 470 с.

S.E. Somov

Belarusian State University
e-mail: somov72@mail.ru

Space and time in the oratorical prose of Georgy Konissky as the basis of the author's artistic and stylistic orientations

Key words: Georgy Konissky, space, time, oratorical prose, artistic style.

The article examines the features of space-time relations in the artistic world of the Belarusian educator Georgy Konissky. Based on the material of his oratorical prose -sermons and speeches - a connection is established between the chronotope and the nature of the use of expressive means, allowing the author to describe, in his view, the higher world (the Kingdom of Heaven, the refuge of God and the saints) and the lower world (the earthly vale of the sufferings and sins of fallen man).